

ВОЙНА ВСЕХ ПРОТИВ ВСЕХ в российском образовании

Марк Максимович Поташник,
действительный член (академик)
Российской академии образования,
профессор, доктор педагогических наук, Москва

Эта статья о сравнительно новом явлении в жизни страны — противостоянии школы и общества. Поскольку феномен уже состоялся, то главное внимание читателей обращаем на последний раздел, где даётся ответ на вопрос: «Как противостояние ликвидировать?»

- учитель • общество • защита человеческого достоинства • долг
- призвание • миссия • честь

Страшнее школы зверя нет?

Если судить по печати и по педагогической практике, любые достижения отдельных школ, учителей, победы наших детей на международных и внутренних олимпиадах меркнут перед огромным количеством конфликтов, ежемесячно возникающих между всеми, кто имеет прямое или косвенное отношение к школьному делу. Школой едва ли не пугают детей и родителей.

Учителя, молча пока, терпят неуважительное отношение к себе со стороны государства, чиновники (через директоров) дают работников образования валом приказов, распоряжений, писем (с обязательным последующим отчётом). Родители и дети обнаглели и не скрывают своих претензий (одна скандальнее другой) к учителям. Родительские собрания превратились в поля боёв между школой и семьёй.

Средства массовой информации не упускают случая, чтобы не показать любого учителя как можно в более неприглядном виде. С постов директора всё более исчезают педагоги, их заменяют так называемые эффективные менеджеры, которые свою задачу видят не в помощи педагогам и даже не в грамотной организации образовательного процесса, а в том, чтобы насаждать бюрократизм в школе, всё нормировать, издавать инструкции на все случаи жизни. А если называть вещи своими именами, то — вредить учителю (хотя этого многие из них просто не понимают).

Даже население, называемое значимым словом «общественность», и то осуждает школу всегда и где только можно.

В этой войне всех против всех проигрывают все, а страна теряет здоровый дух, авторитет, и те, кто может, покидают

её. А те, кто не может покинуть, не скрывают своей нелюбви к ней, кляня и её, и свою судьбу.

Тяжкое бремя современной учительской судьбы

Я не могу назвать год, когда авторитет учителя стал стремительно падать, и случилось это даже не по вине педагогов. Назовём только факты, факторы, явления, которые незаметно для всех стали уничтожать авторитет учителей и школы как государственного института, как храма науки для детей, родителей, учителей и др.

Первое. Образовательно-воспитательная деятельность школы была объявлена услугой, которую оказывают учителя. Профессия учителя оказалась поставлена в один ряд с профессией парикмахера, официанта, уборщицы и др., то есть низведена до уровня тех, кого именуют обслуживающим персоналом. То, что учительство — творческая профессия, то, что учителя спасают души детей, стало просто пафосными фразами, суть которых напрочь забыта.

Главная причина многолетних дискуссий об учительстве кроется в российских образовательных традициях. На протяжении многих веков образование и просвещение в нашей стране рассматривались как высокая духовная миссия по передаче культурного наследия и человеческого опыта молодым поколениям.

Начало термину «образовательные услуги» было положено в Законе Российской Федерации «Об образовании» 1992 г. Тогда это было сделано с целью правового закрепления рынка только *платных (!)* услуг. Такое направление в образовательной правовой политике, шедшей в русле ВТО и неолиберальной идеологии, в частности выполнения Маастрихтских соглашений и рекомендаций Всемирного банка по сокращению бюджетных расходов и увеличению доли частного финансирования в высшем образовании, закрепилось и стихийно распространилось на общее

среднее образование, что и вызвало отторжение у отечественных педагогов.

Второе. Нищенская зарплата (за исключением Москвы, Питера и некоторых нефтегазодобывающих регионов).

Третье. Зависимость зарплаты учителя от региона проживания при одной и той же наполняемости классов, одних и тех же программах и учебниках.

Четвёртое. Лукавое, несправедливое повышение зарплаты за счёт вынужденного (а где-то и насильственного) непомерного увеличения учебной нагрузки, превышающей все мыслимые и немыслимые пределы человеческих возможностей, приводящей к невротизму, раннему профессиональному выгоранию, депрессии и, как следствие, необратимой утрате здоровья и уходу из школы.

Пятое. Возросшая в десятки раз бумажная отчётность за каждое действие, мероприятие, подача нереального для выполнения объёма требуемых сведений, справок, результатов мониторингов, не оставляющие времени для непосредственной работы с детьми, помощи им, подготовки уроков.

Перегрузка учителей, приводящая к невозможности уделять хотя бы минимальное внимание и время своей семье, что приводит к семейным конфликтам, проблемам со своими детьми, распаду семей.

В итоге сказанного (и недосказанного) возникновение у учителей состояния безысходности, утраты веры в возможность позитивных изменений в жизни, депрессии (как психического заболевания), что равнозначно несостоявшейся счастливой жизни, несчастной судьбе.

Не смейте унижать учителей!

На название раздела нас натолкнуло известное замечательное стихотворение А. Дементьева «Не смейте забывать

учителей», которое мы рекомендуем всем (педагогам и не педагогам) найти в Интернете и перечитать в аспекте проблем этой статьи.

Унижать нельзя никого, ибо действие это мерзкое, а его результат всегда травмирует людей. В этом разделе мы рассмотрим то, к чему приводит унижение учителей, и объясним причины недопустимости этого явления, прежде всего по отношению к педагогам. Разумеется, этих причин много, но выделим из них две — главные.

Первая — унижение учителя кем бы то ни было и в любой форме моментально оскорбляет и озлобляет учителя, вызывает в нём, как и в любом человеке, обиду, гнев, страдание, отчаяние, ощущение безысходности, душевную боль, желание отомстить и т.п. Особенно болезненно воспринимается унижение, когда оно исходит буквально ото всех, с кем приходится взаимодействовать педагогу: от непосредственных руководителей, чиновников, методистов, родителей, учащихся, общественности, средств массовой информации и пр. Не просто опасность, но и особое зло от унижения учителей в том, что оно немедленно отрицательно сказывается на детях в виде раздражённости, нервности, травмированности, а нередко и неконтролируемой грубости и всего того, что разрушает нормальное позитивное взаимодействие педагога и детей, а значит, делает ущербным обучение, воспитание и их развитие.

Вторая причина в том, что едва ли не главным фактором воспитания ребёнка в школе (воспитания в широком смысле) является личность учителя. Если эта личность унижена, то в значительной мере утрачивается достоинство, обесцениваются высокие личные моральные качества, интеллект, эрудиция, духовность и душевность. От причинённого унижения, возникшего страдания и обиды учитель утрачивает профессиональные качества, в лучшем случае превращается в вещающую машину. А в худшем... (даже не хочу об этом думать). Теперь представьте себе, если унижение учителя носит не просто случайный, а систематический, постоянный характер. Не напрасно, видимо, во Франции, например, имеются департаменты защиты человеческого достоинства.

В заключение раздела отметим две реальности. Одни учителя на условиях анонимности говорят, что сейчас они совершенно беззащитны перед хамством части учеников и их родителей. Некоторые из них без стеснения заявляют: «Мы заказчики услуг, которые нам предоставляют учителя. И если нам кто-то не нравится, мы...» и смеются в лицо. Это, конечно, дети местных олигархов, криминалитета, чиновников и их прихвостней.

И всё-таки нельзя не напомнить, что в любой школе есть немало учителей, которые справляются со всеми учениками, им не грубят родители, у них нет проблем даже с теми, кого называют трудными, у них нормальные отношения с руководителями, они гордые, спокойные, с чувством собственного достоинства. Эту харизму трудно сформулировать, но её чувствует каждый ученик; это ощущение глубины личности, силы духа, выражающие сущность их личности. Это то, о чём И.В. Гёте писал в «Фаусте»: «Где нет нутра — там не поможешь потом».

**Хотите — не хотите ли,
вы всё-таки родители**

В нынешнее время редко какое родительское собрание обходится без скандалов, конфликтов, противостояний классного руководителя, учителей и родителей. И это при том, что почти во всех школах страны директора фактически запретили публичную персональную критику детей и семей (для этой цели проводят так называемые дни открытых дверей, когда каждый учитель сидит в своём кабинете, а желающие родители могут прийти и индивидуально получить полную информацию о состоянии учёбы, поведения, жизни своего ребёнка, посоветоваться, рассказать о ситуации в семье, если в этом есть необходимость). На общеклассных собраниях рассматриваются общепедагогические

вопросы, важные для всех родителей, проводится родительский всеобуч. Тем не менее конфликты, перерастающие в противостояния, — частое явление. Попробуем понять, почему это происходит. Причин, как всегда, много, но одна из новых состоит в том, что в последнее десятилетие обоснованные и необоснованные реформы в образовании объединялись, и они выявили полную неготовность родителей к взаимодействию с детьми в новых условиях (ВПР, ОГЭ, ЕГЭ, ФГОС и пр.). Только в начальной школе появились задания, связанные с цифровизацией, проектированием, подготовкой презентаций и др., что без помощи родителей дети выполнить не могут.

Раньше родители после работы как-то просматривали готовность домашних заданий, дневников, и этого было достаточно. Сейчас школьные программы существенно обновились и усложнились, и стало необходимым вместе с детьми выполнять домашние задания, помогать детям практически ежедневно. Родители к этому оказались не готовы, отсюда недовольство всем и вся.

Ситуация усугубилась общим снижением уровня жизни в стране, часть родителей вынуждена работать на двух работах, много неполных семей, одиноких мам, опекунов-бабушек и как следствие — общая усталость и озлобленность от проблем, от напряжённости отношений дома и нежелание родителей меняться: «Когда мы учились, этого не требовали!», «Мы этого не знаем!» и т.п. часто слышат учителя. Показателен пример, который мы уже как-то приводили в одной из статей.

Молодой, тактичный учитель тщательно готовился к родительскому собранию: направил личные приглашения, назвав тему «Детский мир строится взрослыми». Ни о какой публичной персональной критике детей речи не могло быть. По ходу собрания педагог раздал лист с риторическими вопросами (ответы родители должны были дать, мы подчеркиваем, *только сами себе*) и просил

подумать над ними. Среди вопросов были: «Какую музыку слушает Ваш сын?», «О чём Вы говорите по вечерам со своей дочерью?», «Какой последний фильм Вы посмотрели вместе?» Когда стало ясно, что внешне простые вопросы выявляют нелицеприятные ответы, группа родителей обрушила на учителя возмущения в скандальной форме: «Да как Вы смеете нас обвинять?! Мы не обязаны отвечать на Ваши вопросы!» Получилось, что на воре шапка горит. Но самое неприятное в том, что двух-трёх агрессивно настроенных родителей поддержали все. И это из известных мне самый невинный пример. А ведь учитель был прав, предложив родителям вопросы для самоанализа отношений с детьми. И дети у таких родителей очень сложные. Создалось впечатление, что Закон об образовании обязывает соблюдать только учителя, будто федеральный закон ни к чему не обязывает ни родителей, ни детей. Собрание пришлось свернуть, ни один родитель не извинился пусть даже за случайное импульсивное хамство.

Что же делать, чтобы прекратить противостояние родителей с учителями.

Прежде всего, систематически, терпеливо, в течение всех лет разъяснять, что устранить, полностью переложить все проблемы детей на школу не удастся никому. Детям нужно уделять время (вспомним название раздела), помогать им в учёбе, особенно в начальной школе и подростковом возрасте.

Те семьи, где материальные условия позволяют, нанимают репетиторов уже в начальной школе. Для всех остальных школа немало может и должна сделать сама. Тут кардинально меняется родительский всеобуч, и за месяц-два до прохождения сложного материала родителям объясняют, что такое цифровизация, проектирование, подготовка презентаций.

Наконец, школа организует группу продлённого дня (хотя бы одну на все классы

параллели), куда берут на работу не кого попало, а только высококвалифицированного педагога, который и будет профессионально оказывать помощь детям в приготовлении домашних заданий.

В ряде школ (это хорошо развито за рубежом) организуют помощь детям в режиме онлайн: учитель может находиться в школе или у себя дома у компьютера, а дети обращаются к нему за помощью по скайпу (Skype) в связи с конкретным заданием. Все финансовые ресурсы для этого в руках директора.

Родителям нужно понять, что никаких дополнительных занятий после уроков (как это было раньше, когда они сами учились) сейчас при нынешней нагрузке и огромной перегрузке учителей быть не может по объективным причинам. У каждого учителя ещё огромная внеурочная воспитательная работа, за которую нужно отчитываться.

Ну, и в ряде школ страны организованы группы взаимопомощи детей, когда они вместе готовят домашние задания (под присмотром воспитателя, разумеется).

Наконец, следует подумать об организации пар на приготовление домашних заданий друзей-волонтеров — то, что раньше называлось шефством сильного ученика над менее способным. Задача учителя, классного руководителя — обеспечить помощь каждому, кто в ней нуждается, максимально привлекая к этому родителей.

И не лишним будет напомнить всем: предпринять всё возможное, чтобы родительские собрания были бесконфликтными, помня, что сейчас тяжело и учителям, и родителям, и детям, и руководителям школ.

Как аукнется, так и откликнется

Фактов nepотребного поведения и детей, и учителей стало так много, что просто не знаешь с чего начать.

Когда дети ведут себя плохо, то для того и существуют педагоги, чтобы отучать от плохого и приучать к хорошему. Дети и раньше

совершали много дурных поступков, но учителя справлялись.

Сейчас же что ни день, то из разных источников мы слышим о фактах странного, антипедагогического поведения учителей. То кто-то из педагогов на лбу ребёнка напишет фломастером обидное слово, то кто-то заклеивает болтуну рот скотчем, то за опоздание на урок ставят двойку за знания в журнал, то унижают детей высмеиванием, то проявляют бестактность по отношению к ребёнку из нищей семьи, то учитель позволяет себе рукоприкладство, то... (несть числа). Вот тут провоцирование педагогом агрессивного поведения ученика оправдать невозможно.

Недавний нашумевший на всю страну факт. Ученик на уроке сидит в наушниках. Учитель попросила их снять. Ребёнок не прореагировал (не услышал или не захотел их снять). Тогда учитель сорвала наушники с ушей, порвала провода. Ученик с руганью бросился на учителя, ударил её по лицу, стал громить всё, что было рядом, разбил рукой стекло в шкафу, при этом порезал себе руку так, что стали видны кровеносные сосуды, из которых брызгала кровь, в состоянии аффекта выбежал из класса.

Журналисты поспешили тут же публично обсудить произошедшее и посвятили случившемуся целую телевизионную программу «Пусть говорят» почти на полтора часа аж на Первом телевизионном канале. Приглашённых участников было много: психологи, юристы, журналисты. Из школы была та самая пострадавшая учительница. Сразу стало понятно, что публичный разбор неуместен, что он ничего не даст. Приглашённые выступали, как это теперь бывает на телевидении, горячо, но... непрофессионально. Условно все кричавшие разделились на группы: одни кричали, что во всём виновата семья (но из семьи подростка никто не присутствовал), другие — что виновата школа, которая

за восемь лет, де, не воспитала, не научила уважать..., трети больше рассказывали о себе, и невозможно было понять, о чём они так эмоционально хлопчут. В целом получилось обычное, бездарное телевизионное шумное шоу, цель которого так и осталась непонятной.

А теперь ответим на вопрос, почему всё произошло. Учитель произвела впечатление не злой, спокойной, милой, пожилой женщины, для которой взрыв ученика оказался полной неожиданностью. Свой предмет она, возможно, знала очень хорошо, но педагогически была абсолютно непрофессиональна.

Оказывается, до этого подросток уже пытался учиться в трёх школах. Одно это должно было насторожить всех, от директора до учителей, и побудить их искать причины столь странного явления. И, конечно же, школа, классный руководитель (им была эта самая учительница, на уроке которой произошло ЧП) обязаны были посетить ребёнка на дому или познакомиться с родителями иным образом. Тогда бы они узнали, что мальчик попал в тяжелейшую жизненную остродраматическую ситуацию, которую без последствий не перенёс бы ни один взрослый, а тем более ребёнок. Приведём только несколько фактов. Отец — пьющий. Когда родился наш несчастный парнишка (ему был всего год), мать застала отца с другой женщиной и... убила её ножом, получив очень большой тюремный срок. Мальчика растила бабушка и новая сожительница отца, которую парнишка считал какой-никакой, но своей мамой. О том, что его родная мать сидит в тюрьме за убийство, он ничего не знал. Через 14 лет мать освободилась из заключения и приехала домой, обнаружив, что её выросший 14-летний сын называет мамой другую женщину. Далее оставляем на воображение читателя.

А теперь представьте, что происходит в душе ребёнка, узнавшего, что женщина, которую он называл мамой, — не его мама, а его мать — вышедшая из тюрьмы

за убийство женщина, о существовании которой он не знал. То, что в душе, назовём: шок, психическая травма, имеющая свой клинический диагноз. То есть паренек был болен, состоял на учёте в психоневрологическом диспансере, лечился там.

При таком состоянии достаточно пустяковой причины (а то и вовсе без неё), чтобы человек сорвался, пришёл в неадекватное состояние, что и произошло, когда учительница «прикоснулась» к мальчику, чтобы удалить наушники.

Не зря в США и ряде стран существует законодательно закреплённый запрет для учителей: «Тело ребёнка и его личные вещи неприкосновенны». А тут... Вот так аукнулось и откликнулось непрофессиональное действие педагога.

Однозначно рекомендуем: начать с классики, в нашем случае — с безальтернативной рекомендации К.Д. Ушинского: «Если педагогика хочет воспитывать человека во всех отношениях, то она должна прежде узнать его тоже во всех отношениях». Практически это означает: как только в поведении ребёнка или учёбе, в отношении к учителям, товарищам по классу, в настроении, внешнем виде появляются какие-то, пусть даже незначительные, аномалии, тут же с максимальной деликатностью посетить дом ребёнка и постараться выяснить ситуацию в семье (полная — неполная, в стадии развода, пьющая — непьющая и т.д.). Напоминаем: абсолютное большинство проблем с учеником нужно искать в семье, в его здоровье, в отношениях с родителями, сверстниками (в семье всегда об этом знают). Далее думать, советоваться и снова думать, что может предпринять классный руководитель, школа и помочь, чтобы...

Некоторое время назад мы готовили и опубликовали большой материал «Остров мерцающей надежды», где описали опыт одного специального образовательного учреждения для детей, совершивших

преступления, но освобождённых от полной уголовной ответственности, поскольку ими не был ещё достигнут возраст, когда эта ответственность наступает. Раньше такие спецшколы называли колониями. Нас поразило тогда факт, что у всех (буквально у всех) проблемы начались в семье, потом они закономерно перетекли в школу (мы изучали это по документам и в личном общении с воспитанниками и сотрудниками Раифской колонии), и вот тут опять у всех одно и то же: школа ничего не знала об этих проблемах, а если и знала, то вместо того, чтобы помочь ребёнку не скатиться на уровень преступления, бездумно подтолкнула его к тому, чтобы переступить опасную черту (нарушить закон). Далее суд и колония.

Рассмотрим пример. Сергей. Хорошо учился в школе. Прочтём, уважаемый читатель, стихотворение А.П. Тимофеевского:

*Я добегу туда в тревоге
И молча стану,
И мать в канаве у дороги
Увижу пьяной.
Её глаза увижу злые,
Лицо чужое,
И космы редкие, седые
Платком прикрою.
Услышу запах перегара
И алкоголя.
И помогу подняться старой —
Пойдём-ка, что ли...
И мать потащится за мною
Мостком дощатым,
Хрипя и брызгая слюною,
Ругаясь матом.
Мне трудно будет с нею пьяной,
Тупой и дикой.*

*И проходящие все станут
В нас пальцем тыкать.
А мне, мальчишке, словно камень,
Позор сыновний,
Как будто в этом страшном сраме
Я сам виновен,
Как будто по уши измаран
В чужой блевоте.
Измаран, что ж... Ещё мне мало,
Я плоть от плоти!
И удержать рыданья силась,
Я тихо плачу.*

*О, пусть скорей глаза мне выст
Мой стыд ребячий.
И я тяну её упрямо,
От слёз слабея,
Хочу ей крикнуть: — Опомнись, мама!
Да не умею.*

Уверен, Ваше сердце содрогнулось от описанной драмы. Всё это было в жизни Сергея, только ещё трагичнее. Мать в пьяном угаре совершила особо тяжкое преступление — убила человека (сожителя). Получила 24 года колонии строгого режима. После приговора матери к нему резко изменилось отношение сверстников, их родителей и..., что аномально и ужасно, учителей: к нему стали неприязненно относиться («сын убийцы»), учителя откровенно занижали ему оценки. Когда он показал одной учительнице контрольную работу с отметкой «три» и работу одноклассника с той же ошибкой, но с оценкой «четыре», учитель в гневе заорала при всех: «Да кто ты такой, чтобы у меня отчёт требовать? Это тебе за мать твою, убившую человека».

Этого Серёжа вынести не мог и перестал ходить в школу. Обида отравляла душу, и он не знал, что делать. Стал бродяжничать. Очень хотелось есть, и он совершил преступление — украл в магазине батон колбасы. Под камерой. Отпираться было бесполезно. Колбаса оказалась очень дорогой, прокурор — жестоким, адвокат (выделенный государством) — безразличным, а судья — формальным.

Директор школы на суд не пришла. Она имела почётное звание, была депутатом и могла бы взять его на поруки ещё до суда, но не сделала этого. (А это предательство как пережить?) На суд вместо себя послала социального педагога, которая с Сергеем даже ни разу не разговаривала. Как это ни покажется странным, она на суде, не поперхнувшись, заявила: «Мнение школы: раз украл — пусть отвечает

по закону!» Так он оказался в спецучреждении.

На тумбочке возле кровати стоит фотография его осуждённой мамы и молитвенник. Состоялся такой наш диалог:

- Ты пишешь маме?
 - Конечно, уже четыре письма.
 - А она тебе пишет?
 - Пока нет. Не отвечает.
 - Так какой смысл?
 - А вдруг она исправится, — с надеждой сказал Сергей.
 - А если ответов не будет?
 - Через двадцать лет она выйдет, ей будет уже 60. Кто будет ей опорой в жизни, у неё ведь, кроме меня, никого нет. Ей и жить будет негде, кроме как со мной.
- (Вы когда-нибудь встречали у ребёнка такое благородство, уважаемый читатель?)

А теперь вспомним, с какого инцидента с учителем всё началось. И так или почти так с любым воспитанником колонии, а у нас их далеко не одна.

Продолжая отвечать на вопрос: «Что делать?», условно разделим учителей на две группы. К первой отнесём тех, кто, несмотря ни на что, всё же справляется с обязанностями и как учитель, и как воспитатель, а, возможно, ещё и спасает кого-то от беды, от греха, от преступления, а не провоцирует конфликты. **Тем, кто свой священный долг, обязанность, предназначение исполняет, мы выражаем глубочайшее уважение и восхищение за их доблесть, человечность, терпение, самоотверженность и главное — за любовь к детям.** Мы гордимся этими людьми. Уверен, что таких в современной российской школе всё-таки большинство.

Вторая группа — это те, кто не справляется с детьми, для кого любой трудный (а кто сейчас лёгкий?) — это неразрешимая проблема, конфликты, скандалы, драмы детей.

Показательный пример. По стране прокатилась волна детских суицидов (самоубийств). Спрашиваю (при директоре) у классного руководителя, где случилась попытка суицида подростка, об элементарном: в чём причина, были ли контакты с родителями и т.п. Оказалось, что после произошедшего выявилось много подробностей жизни школьника. Он шёл к своему отчаянному, безрассудному поступку три(!) года. Его друзьям всё было известно, они обменивались комментариями в социальных сетях и пр. Вопрос к учителю (она же классный руководитель): «Почему Вы об этом не знали, не забились тревогой?» Ответ был честный и, по сути, ужасный: «Меня обязали взять нагрузку 40 часов в две смены. Мне просто не до проблем их внешкольной жизни, вообще не до них. Я своих-то детей не вижу, не знаю, чем они живут. Муж уже едва терпит, взяв на себя с детьми весь дом. Моя жизнь сломана, сплошной мрак, стыдите Вы меня или нет».

Кто виноват в этом? Здесь, как бы ни было трудно, мы честно должны сказать читателю: виноваты те, кто создал ситуацию, когда у учителя непомерная нагрузка, когда он работает, как загнанная лошадь, и у него развилось безразличие не только к оценке труда, но и к судьбе едва не погибшего её воспитанника.

Нужно признать, что отношение к учительской профессии в обществе в массе своей (а значит, среди родителей и учащихся), мягко скажем, неположительное. В солидном педагогическом исследовании академика РАО В.С. Собкина выявлено: 72% окончивших школу крайне отрицательно отзывались об организованном в ней образовательном процессе, где, как мы знаем, главная фигура — учитель.

Вместе с тем, поскольку учителя имеют профессиональное педагогическое образование, общество вправе ожидать от них только профессиональных действий, не позволяя себе никакого провоцирования агрессивного поведения учеников.

И будем понимать, что школьникам учиться, расти, развиваться, взрослеть, мудреть очень непросто. При репетиции итогового сочинения были предложены три свободные темы и одна, предполагавшая опору на программное классическое произведение. В среднем по стране только два процента предпочли тему, связанную с романом Л.Н. Толстого «Война и мир». Но большинство выбрало так называемую свободную тему с названием «Надежда и отчаяние», что отражает две главные эмоции, отражающие нашу (а значит, и их — детей) жизнь.

Не забывать высокое: долг, призвание, миссия, честь

Пятьдесят пять лет читаю лекции для учителей, руководителей школ и заметил, в последние годы изменилось настроение слушателей, восприятие материала: исчезло чувство юмора, перестали задавать интересные вопросы интеллектуального характера, появилась озлобленность. Раздражение вызывают, казалось бы, невинные слова: «долг», «требование», «обязанность». А если приведёшь факт ошибочного поступка, поведения, действий учителей или руководителей, то в зале мгновенно возникает гул недовольства, гневные выкрики глубоко обиженных людей: «А Вы попробуйте при нашей нагрузке..., зарплате...». И педагоги выкрикивали это с такой обидой, такой болью, что невольно начинаешь сочувствовать им и понимать, что их обида глубока и справедлива. А дальше возникала сложная ситуация: или ты что-то очень быстро придумашь, чтобы погасить возмущение, или гневные выкрики станут не единичными, а массовыми, агрессивными, и придётся с позором уйти с трибуны.

Я обратил внимание аудитории на то, что попал в ситуацию безвыходного противоречия: название массовых ошибок — необходимый компонент содержания лекций (разумеется, они совершенно объективно справедливы), замалчивание их невозможно; с другой стороны — название ошибок, неверных толкований вызывает неприятие, агрессию.

Одна мудрая директриса посоветовала мне не делить практику на грамотную и неграмотную, хорошую и плохую, правильную и ошибочную, а называть позиции вперемешку, поскольку... (а вот дальше обратите особое вни-

мание, уважаемый читатель) при всех недочётах и ошибках ученики всё-таки занимают призовые места на олимпиадах, рейтинги многих школ и учителей по результатам ВПР, ОГЭ, ЕГЭ достаточно высокие.

На мой вопрос: «Это и есть ваши современные ценности?» — я в разных аудиториях слышу один и тот же ответ: «Разумеется!»

А вот это уже серьёзно, и тут компромиссы неуместны и невозможны. Посмотрите, как изменилась в худшую сторону шкала ценностей: ещё недавно слово «учитель» писали с заглавной буквы, высшие ценности которого не стеснялись произносить вслух — такие как профессиональный долг, призвание, миссия (дело, которому вы служите, дело жизни), долг, честь. А то, на что нынешние учителя ответили мне «Разумеется!», — это никак не высшие ценности, это вообще не ценности, а показатели учебных достижений.

То, что мы отнесли к высокому, — это непреходящие, то есть вечные ценности. И негоже педагогам их стесняться и забывать. О них надо говорить всегда, исповедовать всегда, верить в них всегда. Это не просто слова, они обладают мощной силой воздействия на человека, который их исповедует, на его ум, волю, на его работу, жизнь. Тогда и не будет злобы, войны всех против всех.

И ещё напомним: школьные педагоги в России во все времена были малооплачиваемой категорией трудящихся; то, чем они занимались, не было трудом по зарабатыванию денег, а было служением долгу, призванию, миссии.

Любовь — удел сильных

В заключение статьи естественен вопрос: «Как прекратить и впредь предотвращать войну всех против всех в российском

образовании?» Стал опрашивать респондентов. Одни скандальным тоном заявляли примерно следующее: «Пусть государство вернёт нам уважение и почёт..., пусть родители перестанут нас..., пусть учащиеся начнут подчиняться закону об образовании...».

Другие предлагали взять на вооружение опыт Казахстана, где приняли Закон «О статусе педагога», в котором предусмотрены значительные штрафы: за оскорбление педагога, за привлечение его к несвойственным функциям, за проведение непредусмотренных законодательством проверок, за требование непредусмотренной отчётности.

Третьи предлагали ничего не менять, оставить всё как есть, считая, что противостояние — естественный процесс и что... окончат школу, начнут всё понимать. По сути, это означало: терпеть унижение и участвовать в противостоянии, отвечать на войну войной. Были и другие ответы-предложения, которые, по сути, либо ущербны, либо паллиативны (решают проблему временно), либо неприемлемы.

В книгах, исследованиях, опыте коллег я искал нечто общее и сильное, которое было бы фундаментом изменения сущности всех участников противостояний, и пусть не сразу, пусть постепенно на уроках и вне их, в школе и дома, в умах и душах, но заставило бы всех участников, взаимодействующих в сфере образования, остановиться, задуматься и начать менять это взаимодействие с себя. Речь пойдёт о любви.

А дальше я хочу обратиться прежде всего к самым образованным, самым интеллигентным, самым сильным людям — учителям и руководителям школ и использовать приём самоцитирования — приведу фрагмент из моей книги пятнадцатилетней давности «Требования к современному уроку», которая выдержала пять изданий.

Легко любить ребёнка, когда он послушен, хочет и может хорошо учиться, обаятелен,

опрятен, уважителен — в общем, когда он, как говорят, белый и пушистый. Но педагогическая сущность учителя проявляется в отношении к любому ребёнку: и к тому, который туп, интеллектуально ограничен, ленив, зол, мстителен, груб, строптив, неопрятен, не хочет учиться, не подчиняется.

Конечно, любовь к детям — дар Божий, но и личная воспитанность учителя, его принципы, ценности и воля многое могут сделать для того, чтобы никогда не унижить достоинство ребёнка, каким бы его ни создала природа и каким бы его ни сделала жизнь.

А потому... ученикам на уроке гарантируются их личные права: уважение человеческого достоинства, личная неприкосновенность и доброе имя, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна, свобода совести, свободное выражение собственных взглядов и убеждений.

Если взаимоуважительные, благоприятные отношения между учителем и учеником утрачены, то об эффективности обучения, воспитания, развития на уроке вообще говорить не имеет смысла. Хорошие результаты просто недостижимы, а негативизм, противостояние будут только прогрессировать.

Разумеется, это требование к уроку в той или иной форме предъявлялось или подразумевалось всегда, но сейчас оно приобрело особенно большое значение, поскольку страна переживает трудный период реформ, развития демократии, когда интолерантность (в нашем случае — нетерпимость) стала всеобщей, когда все против всех: мужчины против женщин, женщины против мужчин; бедные против богатых, богатые против бедных; здоровые против больных и инвалидов, инвалиды против здоровых; молодёжь против стариков, старики против молодых, учителя против учеников, ученики против учителей. А педагоги и дети — это часть нашего нынешнего общества.

Напомним: в основе анализируемого требования к уроку лежит воспитанность самого учителя, его постоянная работа над собой, его воля, личные ценности и принципы жизни. Уверены, что выполнить анализируемое требование читателю поможет следующий текст:

*«Любовь долготерпит, милосердствует,
любовь не завидует, любовь не превозносит-
ся, не гордится,
Не бесчинствует, не ищет своего, не раз-
дражается, не мыслит зла,
Не радуется неправде, а сорадуется истине;
Все покрывает, всему верит, всего надеется,
все переносит.*

Любовь никогда не перестаёт...»
(Новый Завет, 1-е послание Коринфянам Святого Апостола Павла, 13: 1–8)

И добавим оттуда же: «Вера, надежда, любовь (но любовь из них больше)».

От себя добавим: **поскольку она всё переносит.**

«А если этого чувства нет? Если отношение к детям равнодушное? Если они раздражают?» — возможно, подумал кто-то. Ответ один: «Тогда не нужно работать в школе». **НО**

The War Of All Against All In Russian Education

Mark M. Potashnik, full member (academician) Russian education Academy, Professor, doctor of pedagogical Sciences, Moscow

Abstract: *Confrontation in the pedagogical environment. The negative image of the school, formed in society. Honor and duty in the profession of a teacher. Precedents of pedagogical incompetence and the image of a teacher. Belief in the positive future of education.*

Keywords: *teacher, society, protection of human dignity, duty, calling, mission, honor.*